

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

DOI:10.17805/zpu.2020.3.11

Культурная жизнь и культурные практики молодежи малых городов: особенности саморегуляции

Ю. А. Зубок, В. И. Чупров

Институт социально-политических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

В статье рассматриваются особенности культурной деятельности молодежи малых городов. Проводится сравнительный анализ образцов культурной жизни и культурных практик жителей малых городов и молодежи в целом.

Теоретическую основу анализа составляет авторская концепция социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи. Культурная жизнь, являющаяся одной из сторон социальной жизни человека, рассматривается как особая форма организации и регулирования его жизнедеятельности. Специфика культурной жизни и культурных практик в ней определяется смысловым восприятием культуры и регулируется смысловыми установками, формирующимися в разных типах культуры (базовой и молодежной субкультуре). Они являются источниками формирования идентичностей и определяют направленность и конкретные формы культурной жизни. Сочетание разных культурных оснований — базовых и субкультурных — и использование их в анализе позволяет выявить связь различных смысловых проекций с особенностями культурной жизни и культурных практик молодежи малых городов.

На основе данных социологического исследования, проведенного в 2017 г., и репрезентирующего молодежь России в возрасте от 15 до 29 лет, показаны возрастные различия культурных практик в структуре досуговой деятельности молодежи малого города, вовлеченность в деятельностные формы культуры и их отличие от молодежи в целом.

Особое место в статье занимает раздел, посвященный саморегуляции культурной жизни молодежи в малом городе. Проведен анализ связи смысложизненных ценностей молодежи с отношением к культуре. На основе ранее обоснованной и апробированной типологии культур проанализировано влияние характерных для них смысловых установок на восприятие культур и культурные установки. Сделан вывод о крайне противоречивом феномене культуры в сознании молодых жителей малых городов и о неоднозначном влиянии разных культурных установок на культурную жизнь в малом российском городе. Обоснованы выводы о соотношении терминальных и инструментальных смыслов в культурной жизни молодежи.

Ключевые слова: молодежь; малые города; культура; смыслы; культурные практики; саморегуляция; типы культуры

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе культура и ее производные рассматриваются как объекты социального конструирования. Они являются результатом активного жизненно-го выбора молодежи, осуществляемого на основе смысла, придаваемого молодежью разным аспектам культуры. По М. Веберу, феномен культуры определяется в непосредственной связи с субъективно понимаемым смыслом, которым наделяются ее предметы или объекты (Вебер, 1990). Однако они становятся феноменом культуры, если обретают значимость для познающего субъекта, т. е. соотносятся с его ценностями. «Эмпирическая реальность есть для нас культура потому, что мы соотносим ее с ценностными идеями... Культура охватывает те, и только те компоненты действительности, которые в силу упомянутого отнесения к ценности становятся значимыми для нас» (там же: 374).

Одновременно с этим культура выступает одним из важнейших регуляторов жизнедеятельности. Благодаря регулятивной функции культуры жизнедеятельность наполняется смыслом. Смысл представляет собой понимание молодыми людьми сущности происходящего вокруг — событий, явлений, конкретных объектов культуры, определяя значимость самой культуры и разных форм культурной жизни.

Современное культурное пространство — сфера, наиболее подверженная индивидуальному и групповому конструированию, постоянному переосмыслению и пересечению разнообразных смыслов и значений. Оно объединяет не только смыслы и значения, но и их носителей — множественных акторов. Идея конструирования в полной мере реализуется в культурной жизни молодежи (Ковалева, Гневашева, Селиверстова, 2015). При этом многие воспроизводимые образцы культурной жизни имеют связь с более глубокими слоями культуры или с инерционными практиками, также имеет место их дифференциация, основанная на групповых ориентациях — этнических, космополитических, публичных, или наоборот, частных (Корсунова, 2019), позволяющая увидеть общее и особенное в культурной жизни и культурных практиках молодежи.

Целью данной статьи является выявление структурных компонентов культурной жизни молодежи малых городов и особенностей ее смысловой саморегуляции. Для достижения поставленной цели используется разрабатываемая авторами концепция соиокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи и типология культурного пространства, ключевым элементом которого являются смыслы. Проводится сравнительный анализ образцов культурной жизни и культурных практик жителей малых городов и молодежи в целом во взаимосвязи с типами культуры, объединяющими молодых жителей малых городов.

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СМЫСЛОВ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ

Принципиальное значение понятия «смысл» заключается в его способности вывести объяснение происходящего за пределы индивидуального сознания в плоскость реальной жизнедеятельности субъекта (Квасова, 2008: 35). Смыслы занимают центральное место в культурологической теории П. А. Сорокина. Обращаясь к социально-феноменологической методологии, «имеющей своей целью обнаружение причинно-функциональных связей между составными частями культурной ценности или комплекса ценностей» (Сорокин, 2000: 42), главным при изучении любой культуры П. А. Сорокин считал установление «социально-объективного» смысла» (там же).

Выбор молодым человеком форм культурной жизни и включение их в свои жизненные практики определяется смыслом, которым наделяется культура в целом и ее отдельные компоненты. В этих смыслах содержится понимание молодыми людьми того, чем наполняется и что означает культура для жизни группы и конкретного человека. Осознание смыслов культуры формируется во взаимодействиях молодых людей друг с другом в культурном пространстве, является продуктом группового сознания, но в жизни конкретных молодых людей как представителей группы становится «дискретным импульсом особого рода интенциональности» (Пелипенко, 2014: 25). Смыслы, которыми молодые люди наделяют те или иные способы культурного самовыражения, закрепляются в предпочтениях, отдаваемых тем или иным формам жизнедеятельности.

Смыслы проявляются в виде ценностей, но тесно связаны с устойчиво повторяющимися практиками. В общем виде социальными практиками именуется сложившиеся в жизни людей общепринятые формы деятельности, совокупный опыт человечества. Культурные практики — это сложившиеся в культурной жизни людей общепринятые формы деятельности. Согласно Э. Гидденсу, они постоянно, циклично воспроизводятся акторами (Гидденс, 2003; Кравченко, 2013: 548). Механизмом, запускающим социальные практики, является установка на деятельность определенным способом. Привычный способ поведения, дающий предсказуемый результат, объединяет и средство, и цель. П. Бурдье отмечает: «Прочно усвоенные диспозиции в отношении возможного и невозможного, свобод и необходимостей, поощрений и запретов, вписанных в объективные условия... порождают диспозиции, объективным образом совместимые с данными условиями и в некотором роде заранее адаптированные к их требованиям. Наименее вероятные практики исключаются еще до какого-либо рассмотрения как немыслимые посредством того непосредственного подчинения порядку, который заставляет делать из нужды добродетель, т. е. отказываться от невозможного и хотеть неизбежного» (Бурдье, 1998: 46).

Исторически и социально обусловленные, сформированные на ранних стадиях социализации при непосредственном взаимодействии с их носителями, культурные практики отличаются высокой устойчивостью. Однако включенность в практики далеко не в последнюю очередь определяется экономическими возможностями, прежде всего доходом (Жорсунова, 2019). Поэтому в разных группах они могут менять свою значимость.

От ценностного отношения молодых людей к культуре и надления ее значением, от степени готовности участвовать в определенных формах культурного производства и потребления, от выбора в пользу одних или других ее видов и от возможностей и желания реализовать на практике различные виды культурной жизни зависит включение их в контекст повседневности. Поэтому сочетание экономических условий и культурных установок как предрасположенность включать культурную деятельность в свою повседневную жизнь дает представление о месте культуры в жизни молодого поколения.

Содержание смыслов лежит в основе типологизации культурного пространства и рассматривается в качестве регулятора выбора форм культурной жизни. Как часть общества и вместе с тем относительно самостоятельная социально-демографическая группа молодежь одновременно является носителем образцов базовой культуры и молодежной субкультуры. Поэтому в ее культурном пространстве отражаются разнообразные смысловые проекции. Обоснование смыслового содержания базовой

культуры осуществляется на основе концепции П. А. Сорокина и позволяет установить связь молодого поколения с доминирующими в российском обществе культурными смыслами (Сорокин, 2000; Ученые записки, 2020; Зубок, Чупров, 2020).

Новые смыслы, привносимые влиянием современных условий изменяющейся реальности, также внедряются в культурное пространство молодежи, хабиутализируются («опривычиваются») и становятся частью привычного мира повседневности. Эти современные тренды, также выраженные в установках, связаны со смысловым набором, формирующимся в интересубъективных взаимодействиях внутри молодежных сообществ. Связи, возникающие между смысловыми основаниями базовой культуры и молодежной субкультуры с разными аспектами культурной жизни, отражают различия в понимании культуры и ее значении для носителей этих смысловых установок.

Смысловое восприятие культуры, понимание ее роли и места в жизнедеятельности, а также выбор в пользу тех или иных ее форм является контекстным. Культурный контекст формирует опыт и знания, влияет он и на жизненные практики разных групп молодежи. Эти условия включают разнообразные характеристики — возрастные, гендерные, профессиональные, поселенческие, в которых формируются молодые люди. Связанные с целым рядом факторов — материальных и социокультурных, они влияют на самосознание молодых людей, их культурные установки и практики. Смысловой контекст, таким образом, тесно связан со средой обитания.

Свой социокультурный контекст имеет жизнь молодежи в малых городах. Как правило, культурное пространство в малых городах ограничено недостатками инфраструктуры, слабой доступностью ее современных форм и несоответствием образа жизни современному уровню, представлениям и притязаниям молодежи. Это несоответствие отражается в самосознании молодежи, формируя в ее среде псевдогородской образ жизни (Габдулова, 2012). Мера доступности средств различается в малых городах, образованных на базе сельских поселений, и вокруг строящихся предприятий (моногорода). Соответственно, в таких городах формируются различные ментальные структуры, характеризующиеся доминированием традиций сельских или городских культурных практик. Проявляющаяся при этом маргинальность отражается в особом психотипе личности молодого человека.

Материальные и социокультурные условия малых территорий, с одной стороны, ограничиваются недоступностью средств для достижения необходимого уровня культурных притязаний, с другой стороны, многие формы культурной жизни не рассматриваются молодежью как значимые. Поэтому образ жизни с достаточно примитивным набором культурных практик является для молодежи малого города обычным делом, где средовые ограничения не позволяют сформироваться культурному опыту и соответствующим культурным практикам. И хотя жизнь младших когорт в России отличается большим разнообразием и активностью, сравнительно больше наполнена интересными событиями в силу большей включенности в современные образцы потребления (Илле, 2016; Соколов, 2019), а «возраст играет более важную роль в определении стиля жизни, чем специфика занятости или доходы» (Соколов, 2019; 76), такие бонусы преимущественно характерны для крупного мегаполиса. В малых городах возникает существенное противоречие между поколенческими установками на стандарты культурной жизни и объективными условиями.

Таким образом, в малых городах создаются социокультурные условия, при которых в молодежной среде воспроизводятся особые образцы «маргинальности» и «принципальности», влияние которых проявляется в культурной жизни молодежи.

Рассмотрим их подробнее, опираясь на сравнительный анализ молодежи в целом и молодых жителей малых территорий¹.

*СОДЕРЖАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ
В МАЛЫХ ГОРОДАХ*

Одной из наиболее динамичных форм культурной жизнедеятельности молодежи является досуг. Он занимает существенную часть времени молодежи и наиболее полно отражает характерные практики. При этом досуговые формы реагируют на изменение условий жизни, соответственно, изменяются и практики. У разных групп молодежи прослеживаются различия в досуговых предпочтениях.

Индикатором досуговых практик служили ответы на следующий вопрос: «Предположим, у Вас есть свободный вечер, который можете провести по своему усмотрению, как Вы его проведете?» (табл. 1).

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В СТРУКТУРЕ ДОСУГА МОЛОДЕЖИ

Таблица 1

CULTURAL PRACTICES IN THE STRUCTURE OF YOUTH LEISURE

Table 1

<i>Формы досуга</i>	<i>Распределение ответов, %</i>					
	<i>Молодежь малых городов</i>			<i>Общее распределение</i>		
	<i>15–17</i>	<i>18–24</i>	<i>25–29</i>	<i>15–17</i>	<i>18–24</i>	<i>25–29</i>
Пассивный отдых на диване у телевизора	40,0	43,3	58,5	37,7	45,4	54,7
Занятие любимым делом	40,0	42,3	33,8	43,4	32,6	27,7
Чтение	13,3	7,2	7,7	12,3	12,8	11,7
Занятие с детьми	3,3	15,5	36,9	0,91	3,3	33,6
Встреча с друзьями	83,3	59,8	49,2	73,6	62,8	52,1
Посещение театра, концерта	6,7	6,2	6,2	4,7	6,4	8,1
Посещение кинозала, бара, клуба	23,3	14,4	9,2	19,8	22,6	12,7
Прослушивание музыки, просмотр видео	16,7	34,0	16,9	23,6	29,7	17,9
Пребывание в Интернете, в соцсетях	46,7	36,1	29,2	45,3	34,9	29,6

Примечание: больше 100%, так как допускалось несколько вариантов ответа.

В распределении ответов в табл. 1 прослеживаются наиболее распространенные формы культурной жизни молодежи. На их основании можно сделать выводы об иерархии ее культурных потребностей и интересов. Так, с возрастом растет значение пассивного отдыха на диване у телевизора, занятия с детьми, а значение занятия любимым делом, как и встречи с друзьями, снижается. Эта тенденция объясняется прежде всего изменением ролевой структуры молодежи, созданием семьи, рождением детей, необходимостью заниматься домашними делами. Причем среди молодежи малых городов эта тенденция носит более выраженную форму: пассивный отдых предпочитают в старшей возрастной группе (25–29 лет) — 58,5% против 54,7% в общем распре-

делении; занятие с детьми — 36,9% против 33,6%. Заметно медленнее происходит снижение доли молодежи в малых городах, предпочитающей занятие любимым делом, с 40% в группе 15–17 лет до 33,8% в группе 25–29 лет, против молодежи в общем распределении — с 43,4 до 27,7%. Зато быстрее снижается с возрастом предпочтение встреч с друзьями — с 83,3 до 49,2% в малых городах по сравнению с 73,6 до 52,1% в общем распределении. Предпочтение Интернета как формы досуговой деятельности в одинаковой степени снижается с возрастом и среди молодежи малых городов, и молодежи в целом.

Различия заметны по предпочтению чтения, значение которого быстрее снижается с возрастом среди жителей малых городов — до 7,7% в группе 25–29 лет по сравнению с 11,7% в аналогичной группе молодежи в целом. А доля предпочитающих посещение театров и концертов среди молодежи в малых городах с возрастом не меняется (6,2%), в то время как среди молодежи в целом повышается с 4,7 до 8,1%.

Предпочтение посещения в свободное время кинозала, бара, клуба среди молодежи в малых городах падает уже в группе 18–24-летних до 14,4%, в то время как среди молодежи в целом в этой возрастной группе оно достигает пика — 22,6%.

По степени значимости музыкальных предпочтений: в целом по молодежи эти предпочтения развиваются по нарастающей — с 23,6% у подростков до 29,7% в группе 18–24-летних; в малых городах происходит скачок значимости с 16,7% среди подростков до 34% в группе 18–24-летних. Общей тенденцией является преимущественное ослабление или стабилизация значений большинства предпочтительных форм досуга в старшей возрастной группе.

Выявленные особенности изменения с возрастом предпочтений в культурной жизни молодежи свидетельствуют о существующих различиях ролевой структуры в малых городах, связанных с условиями и уровнем жизни, а также с региональными социокультурными традициями.

О степени значимости различных форм культурной жизни молодых людей можно судить на основании затрат времени на их реализацию. Оценивалась средняя продолжительность времени в часах в день (табл. 2, с. 146).

Прежде всего выделяется доля респондентов, досуг которых не включает вовсе или включает в незначительной степени некоторые из перечисленных видов культурной жизни. Не проявляют интереса к радиопередачам 63,4% молодежи в целом и 70,4% молодых жителей малых городов; не читают газет и журналов соответственно 55 и 58,8%; не читают художественную литературу 42,6 и 52,7%; не занимаются спортом 38,1 и 41,5%. Иначе говоря, оставаясь потребностью, эти формы культурной жизни по разным причинам не реализуются и не превращаются в интересы значительной части молодежи, особенно в малых городах.

Основными формами культурной жизни, к которым молодежь малого города имеет склонность и на что затрачивает более двух часов в день (в сравнении с общим распределением), являются пребывание в Интернете, в соцсетях (57,3% против 53,9%); встречи с друзьями (51% против 43,4%). Далее в порядке убывания следуют музыка и видео (31,7% против 22,5%); телепередачи (23,5% против 17%). Доминирование этих форм определяет стилевую специфику культурной жизни молодежи в малом российском городе.

Культурная жизнь непосредственно связана с практическими навыками и умениями молодых людей. Проанализируем их на основе ответов на вопрос о том, насколько высоко молодые люди оценивают свои умения. Полученные данные позволяют

Таблица 2

ЗАТРАТЫ ВРЕМЕНИ В СТРУКТУРЕ ДОСУГОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Table 2

TIME SPENT ON VARIOUS LEISURE ACTIVITIES

Формы досуга	Доля молодежи, %, затрачивающей в день									
	Молодежь малых городов					Общее распределение				
	до 30 мин	от 30 мин до 1 часа	1–2 часа	более 2 часов	несколько	до 30 мин	от 30 мин до 1 часа	1–2 часа	более 2 часов	несколько
Просмотр телепередач	13,0	16,7	35,4	23,5	11,4	19,8	24,0	22,9	17,0	16,3
Прослушивание радиопередач	15,6	5,2	4,7	4,1	70,4	23,2	6,7	3,5	3,2	63,4
Чтение газет, журналов	24,0	9,9	4,2	3,1	58,8	31,3	8,7	2,9	2,1	55,0
Чтение художественной литературы	15,1	13,5	12,0	6,7	52,7	22,4	18,2	10,1	6,7	42,6
Встреча с друзьями	12,5	12,5	18,2	51,0	5,8	11,6	18,7	23,3	43,4	3,0
Занятие спортом	16,7	14,1	15,1	12,6	41,5	20,9	13,7	16,3	11,0	38,1
Прослушивание музыки, просмотр видео	12,0	18,8	19,8	31,7	17,7	19,2	24,2	20,8	22,5	13,3
Пребывание в Интернете, в соцсетях	9,9	14,6	15,1	57,3	3,1	7,7	15,6	20,2	53,9	2,6

увидеть не только результат включения молодежи в различные культурные практики, их место в культурной жизни молодых людей, но и сформировавшиеся общекультурные компетенции (табл. 3).

Данные табл. 3 показывают, что далеко не все виды деятельности в культурной жизни освоены молодыми людьми одинаково успешно. Наибольший уровень умения, с большим отрывом от остальных видов деятельности, молодежь демонстрирует в области владения компьютером. Хорошо владеет компьютером каждый второй молодой человек независимо от региона проживания, это стало базовым навыком современного поколения молодежи.

Каждый пятый житель малого города высоко оценивает свое умение конструировать и мастерить, рисовать и лепить, танцевать; 14–15% хорошо умеют петь, шить и вязать; каждый десятый хорошо играет на музыкальных инструментах и сочиняет стихи, знает иностранный язык и умеет играть в шахматы. По совокупности двух показателей четырехбалльной шкалы самооценки (хорошее и среднее) значения умений молодежи в малом городе распределились в порядке убывания следующим образом:

Таблица 3

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ

Table 3

ACTIVITY FORMS OF CULTURAL LIFE OF YOUNG PEOPLE

Умение	Степень умения, %									
	Молодежь малых городов					Общее распределение				
	Хорошо	Средне	Плохо	Не умею	К*	Хорошо	Средне	Плохо	Не умею	К*
Танцевать	18,2	36,9	22,4	23,4	2,49	21,3	34,4	22,2	22,2	2,55
Петь	15,1	33,3	20,8	30,7	2,33	15,4	30,3	24,9	29,4	2,32
Рисовать, лепить	18,8	33,9	20,3	27,1	2,44	15,8	28,0	26,3	29,9	2,30
Шить, вязать	14,6	24,5	19,3	41,7	2,12	10,8	24,7	22,5	43,0	2,03
Конструировать, мастерить	19,8	33,3	17,7	29,2	2,44	14,9	33,1	23,0	29,0	2,34
Играть на музыкальных инструментах	11,5	16,1	18,2	54,2	1,85	10,0	12,6	19,4	58,0	1,74
Сочинять стихи	11,5	11,5	14,6	62,5	1,72	8,6	13,4	18,3	59,7	1,71
Работать на компьютере	54,7	29,7	6,8	8,9	3,30	54,4	34,5	6,4	4,7	3,39
Играть в шахматы	9,4	22,9	21,9	45,8	1,96	9,3	21,9	24,34	4,5	1,96
Владение иностранным языком	10,4	28,6	28,1	34,9	2,13	10,1	28,5	33,9	27,5	2,21

*К — средневзвешенный коэффициент по четырехбалльной шкале оценок.

работать на компьютере (84,4%, К=3,30); танцевать (55%, К=2,49), конструировать, мастерить (53,1%, К=2,44), рисовать, лепить (52,7%, К=2,44), петь (48,4%, К=2,33), шить, вязать (39,1%, К=2,12), владение иностранным языком (39%, К=2,13), играть в шахматы (32,3%, К=1,96), играть на музыкальных инструментах (27,6%, К=1,85), сочинять стихи (23%, К=1,72). Сравнение полученных данных с молодежью в целом показывает, что последовательность распределения самооценок умения в основном совпадает. Более высокие самооценки демонстрируют молодые жители малых городов по таким позициям, как умение рисовать, лепить (К=2,44 против К=2,30); конструировать, мастерить (К=2,44 против К=2,34); шить, вязать (К=2,12 и К=2,03), а также играть на музыкальных инструментах (К=1,85 и К=1,74). Уступают они, судя по самооценкам, лишь в умении танцевать (К=2,49 против К=2,55), в работе на компьютере (К=3,30 против К=3,39), а также в уровне владения иностранным языком (К=2,13 против К=2,21). Как видно, молодежь малых городов отличают в культурной жизни более практичные навыки и умения.

*ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ
В МАЛЫХ ГОРОДАХ*

Как уже отмечалось, культура является важнейшим регулятором социальных взаимодействий и в то же время сама становится объектом выбора и конструирования молодежи. Основанием для выбора является ценность культуры, которая, по М. Рокичу, подразделяется на терминальную, имеющую для молодого человека самоценное значение, и инструментальную, когда культура рассматривается им как средство, способ решения других целей (Рокич, 1973). Распределение молодежи по отношению к культуре показывает сохраняющуюся доминанту ее терминального значения как для молодого поколения в целом, так и для жителей малых городов.

Для исследования саморегуляции культурной жизни молодежи проанализируем связь ценностей культуры прежде всего со смысложизненными ценностями, т. е. с пониманием молодыми людьми смысла собственной жизни. В данном исследовании терминальная ценность культуры определялась набором смысловых значений — потребность, национальная принадлежность, традиция, а инструментальная — как пространство жизнедеятельности, принадлежность к группе, престиж. Как показывает анализ, в наибольшей степени терминальное отношение к культуре связано с политической борьбой как смысложизненной ценностью (71,5% в малом городе и 68,8% в общем распределении). Это, по-видимому, объясняется проявлением политической культуры этой части молодежи, требующей включения культурной проблематики в повестку политической деятельности большинства молодых политиков. Однако каждый третий среди них — 28,5% в малом городе и 31,2% в общем распределении — относится к культуре сугубо инструментально, используя ее в качестве способа заработать свой политический капитал.

Самоценное значение культуры связано также с такими смысложизненными ценностями, как спокойная, безбедная жизнь (63,3%) и борьба за справедливость (62,5%). Такое сочетание смысловых проекций характеризует представительную группу современных молодых людей, сочетающих простые материальные потребности со стремлением к высоким идеалам, — этаких ориентированных на благополучие пассивистов. Характерно, что их доля в пространстве малого города на 9,6% ниже, чем среди молодежи в целом, где она достигает 72,9%. В меньшей степени, хотя и выше среднего значения, терминальные ценности культуры связаны со стремлением к истине (57,4% против 69,4% в общем распределении), с любовью (57,7% против 70,2%), с продолжением себя в будущих поколениях (55,5% против 69,2%), с самореализацией (54,2% против 67,8%). Это означает, что циркулирующее в обывательском сознании представление о вытеснении в сознании молодежи культурных ориентаций материальными сильно преувеличено. Переосмысление и переопределение смыслов культуры если и происходит, то их место в жизни молодых людей остается значимым.

Вместе с тем нельзя игнорировать региональные особенности данного процесса. Сравнение с общим распределением по молодежи показывает, что по этим индикаторам пространство малого города хотя и воспроизводит самоценное отношение к культуре, но в значительно меньшей степени. А ценности инструментальные в связи с этими жизненными смыслами растут опережающими темпами. В наибольшей степени инструментализация отмечается в связи со смысложизненными ценностями — проявление своей индивидуальности (45,8% в малых городах против 32,2% в целом по молодежи); продолжение себя в будущих поколениях (44,5%

против 30,8%); стремление к истине (42,6% против 30,6%) и любви (42,3% против 29,8%).

Рассмотрим, как связана принадлежность молодых людей к различным типам базовой культуры и молодежной субкультуры с ценностью культуры в целом. Полученные данные говорят о той роли, которую играют различные типы внутренней интенциональности в формировании образа культуры в молодежной среде (табл. 4.)

Таблица 4

СВЯЗЬ ТИПОВ БАЗОВОЙ КУЛЬТУРЫ И МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ С ТЕРМИНАЛЬНОЙ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ЦЕННОСТЬЮ КУЛЬТУРЫ

Table 4

CONNECTION BETWEEN TYPES OF BASIC CULTURE AND YOUTH SUBCULTURE WITH THE TERMINAL AND INSTRUMENTAL VALUE OF CULTURE

	Связь с ценностью культуры, %			
	Молодежь малых городов		Общее распределение	
	Терминал.	Инструмент.	Терминал.	Инструмент.
<i>Типы базовой культуры</i>				
Духовная культура	70,9	29,1	72,0	28,0
Культура физического развития	60,3	39,7	69,4	30,6
Культура моральной анонии	60,0	40,0	65,8	34,2
Инновационная культура	58,3	41,7	55,9	44,1
Адаптационная культура	53,7	46,3	70,7	29,3
<i>Типы молодежной субкультуры</i>				
Гедонистическая культура	47,9	52,1	66,1	33,9
Средние значения	58,5	41,5	66,7	33,3
Свобода без ограничений	76,0	24,0	66,6	33,4
Протест против официоза, бунтарство	69,7	30,3	65,1	34,9
Бегство от действительности. Уход в себя	66,6	33,4	67,2	32,8
Эгоцентризм, эпатаж окружающих	64,1	35,9	70,8	29,2
Стремление самовыразиться, быть непохожим на других	61,8	38,2	68,7	31,3
Самоощущение избранности, исключительности	60,4	39,6	69,9	30,1
Стремление к объединению со сверстниками	59,4	40,6	68,5	31,5
Противостояние «свои — чужие»	53,7	46,3	63,8	36,2
Средние значения	64,0	36,0	67,6	32,4

Как следует из анализа табл. 4, все типы базовой культуры, с которыми себя идентифицируют респонденты, больше связаны с терминальным значением культуры в их сознании, чем с инструментальным. Среднее значение терминальной ценности молодежи в малых городах составляет 58,5%, а инструментальной — 41,5%. Разрыв между этими величинами довольно существенный, однако он меньше, чем в среднем по молодежи, где разница между терминальной и инструментальной ценностью культуры среди идентифицирующих себя с разными аспектами базовой культуры составляет убедительные 33% (66,7% против 33,3%). Это означает, что самоидентификация молодежи с базовыми типами культуры, характерными для российского общества в целом, способствует формированию традиционного понимания культуры как внутренней потребности и национальной традиции.

Наиболее характерно такое понимание культуры для молодежи малых городов, разделяющей высшие духовные и нравственные устремления, т. е. духовный тип культуры (70,9%). Вторым по степени выраженности традиционного толкования культуры является культура физического развития (60,3%) и культура моральной аномии (60%), отражающая процесс обесценивания абсолютных моральных норм в молодежной среде («у каждого своя мораль»). Молодежь, разделяющая установки на физическое преобразование себя и отказ от общепринятых норм, соответствующие этим типам культуры, также трактует культуру в традиционном смысле. Аналогичная тенденция прослеживается и в общем распределении по молодежи, но с еще более выраженными значениями связи. Так, в связи с ориентацией на культуру физического развития уровень терминальной ценности культуры в общем распределении достигает 69,4% против до 30,6% инструментальной, а в связи с культурой моральной аномии — соответственно, 65,8 и 34,2%. Учитывая указанную выше эмпирическую верификацию терминальных и инструментальных ценностей, выявленная связь означает, что молодые люди, разделяющие ценности физического развития и моральной аномии, свои представления о культуре в большей степени связывают с внутренней потребностью и с национальной традицией, т. е. с терминальным смыслом, в значительно меньшей степени — с принадлежностью к группе или с престижем, т. е. инструментальным. В этом проявляется общее в ценностном отношении к культуре молодежи малых городов с их российскими сверстниками.

Третья по значимости связь традиционного — терминального — понимания культуры возникает в связи с установкой на изменение, лежащей в основе инновационной культуры. Причем в малых городах этот показатель несколько выше: 58,3% — терминальное отношение к культуре и 41,7% — инструментальное (против 55,9 и 44,1% в общем распределении). Пытаясь найти объяснение этой не самой очевидной связи, обратимся к трактовке Р. Мертоном инновационного поведения как согласия с общественно одобряемыми целями и поиска новых, более адекватных средств их достижения (Мертон, 2006). Анализируя полученную связь с этих позиций, можно сделать вывод, что новаторски ориентированные группы молодежи наделяют культуру разными смыслами в зависимости от приоритета целей или средств их реализации. Если учесть, что смысловыми референтами терминальной ценности культуры выступали потребность, национальная принадлежность и традиция, а инструментальной — пространство жизнедеятельности, принадлежность к группе и престиж, то нетрудно представить, как могут различаться смыслы культуры в сознании молодых людей, объединенных общими установками на цели или средства, и как будут различаться стратегии их саморегуляции. Одни в стремлениях к новизне будут руководствоваться

ся традиционными нормами культуры, для других культура будет лишь способом создания имиджа.

Данные исследования показывают, что более значимую роль в переосмыслении значения культуры играет адаптационная культура как вынужденное приспособление к условиям изменчивости. Необходимость жить в режиме самосохранения и сбережения на минимальном уровне еще больше сокращает дистанцию между двумя смысловыми проекциями культуры — терминальной и инструментальной (53,7 и 46,3%). В пространстве жизнедеятельности малых городов адаптационный тип культуры достаточно широко распространен. Он обусловлен неравномерностью экономического развития российских территорий и глубоким разрывом в условиях и качестве жизни больших агломераций и малых городов. В условиях глобализации множества культурных стандартов, особенно тех, что касаются потребления, представлений об успешной жизни, самореализации, разрыв возможностей ощущается молодежью особенно остро.

Интериоризация современных стандартов образа жизни и невозможность следовать им в силу отсталости местной культурной инфраструктуры порождает жесточайшее противоречие в сознании молодежи, проявляясь в его маргинализации. И чем хуже условия жизни, тем интенсивнее стратегия адаптации, тем острее конфликт социальных и культурных притязаний, тем больше проявляется разрыв в культурном пограничье. В малых городах с их неразвитой инфраструктурой и небольшими возможностями для самореализации по современным меркам маргинализация опосредуется не только экономическими лишениями, но и размыванием культурного пространства многих малых городов, их заброшенностью, бессобытийностью и скукой. Как следствие в смысловом восприятии культуры ее сущностная составляющая вымывается, заменяясь формальной. Молодежь утрачивает с ней внутреннюю связь, культура не является уже ни потребностью, ни традицией (она демонтирована), ни национальной особенностью (она утрачена). В случае смысловой связи культуры с престижем она становится для молодых людей способом символического преодоления безнадежной реальности, символом восхождения на иной статусный уровень. Такое толкование культуры не является уникальным. Оно было характерно для прежнего, советского периода и выражалось в стремлении приобщиться к миру искусства, войти в круг людей, так или иначе связанных с культурой и искусством.

Связь адаптации и значений культуры в общем распределении молодежи имеет иную пропорцию. В отличие от малых городов, где разрыв между терминальным и инструментальным пониманием культуры сокращается, среди молодежи в целом в 70,7% случаев воспроизводится традиционное понимание культуры, а инструментальное не превышает одной трети (29,3%). Искать объяснение столь явным различиям, по-видимому, следует все в тех же возможностях приобщения к культуре, которыми молодые жители других территорий, особенно крупных урбанистических центров, более выгодно отличаются от населения малых городов. Разветвленная структура возможностей создает более предпочтительные условия для содержательной, а не формальной идентификации с культурой.

Единственный тип культуры, связь с которым среди молодежи малых городов приводит к превышению инструментальной ценности над терминальной, — это гедонистическая культура. Для 52,1% молодых людей, ориентированных на удовольствия и впечатления, культура символизирует формальную принадлежность к группе единомышленников. В то же время для чуть меньшей по численности группы (47,9%) она

продолжает быть способом самовыражения, ощущения связи с традицией и национальной принадлежностью. Это означает, что почти для половины молодежи, живущей в малых городах, культура выступает способом приобщения к миру развлечений, удовольствий, эмоций и впечатлений.

Следует отметить, что по данному показателю наблюдается существенное отличие молодежи малых городов от распределения в общем массиве опрошенных, где терминальное значение культуры (66,1%) не уступает влиянию гедонизма и вдвое преобладает над инструментальным (33,9%).

Рассмотрим, как изменяется отношение молодежи к культуре в зависимости от поколенческих характеристик, определяющих ее субкультурное пространство. Данные, представленные в табл. 4, демонстрируют сохраняющееся воспроизводство терминальных значений культуры над инструментальными (64% против 36% среди молодежи малых городов и 67,6% против 32,4% в общем распределении). Анализ по каждому типу субкультурных установок среди молодежи малых городов показывает, что в наибольшей мере терминальное отношение к культуре, т. е. ее понимание как национальной традиции и потребности, присуще тем группам молодежи, которые демонстрируют наименее конформистские, а зачастую бунтарские и эскапистские ориентации: свободу без ограничений (76% против 24%); протест против официоза, бунтарство (69,7% против 30,3%); бегство от действительности, уход в себя (66,6% против 33,4%); эгоцентризм, эпатаж (64,1% против 35,9%). В то же время терминальное отношение к культуре в равной мере характерно для молодежи в малых городах с противоположными установками, такими как самовыражение, стремление быть непохожим на других, ощущение своей исключительности и превосходства (в среднем 60% против 40%), и нацеленных на объединение со сверстниками (59,4% против 40,6%). Выраженная неоднозначность отношения к культуре молодежи с разными установками в пространстве субкультуры говорит о формировании более сложного образа культуры в молодежной среде и ее полифункциональности в жизни молодых людей, при которой оказываются одновременно значимыми самые разные ее аспекты — и традиционные самоценные, и современные, более прагматичные и рациональные.

Показательно отношение к культуре в связи с противостоянием в среде молодежи «своих» и «чужих». Отражая противоречивый характер противостояния, именно по этому показателю в пространстве малых городов отмечается сближение значений разных смысловых толкований культуры — и как сущностных, терминальных (53,7%), и как формальных, инструментальных (46,3%). В сближении разных смысловых установок, оказывающих влияние на различные функции культуры, проявляется саморегуляция противоречия, содержащегося в анализируемой субкультуре.

Данный вывод подтверждается также сравнением средних значений полученных распределений среди молодежи малых городов с общим распределением по молодежи. Оно отражает наименьший уровень различий средних значений терминальных и инструментальных смыслов культуры в этих группах: 64% против 67,6% для терминальных смыслов и 36% против 32,4% для инструментальных. Следовательно, хотя по отдельным типам субкультуры соотношение связи с терминальными и инструментальными ценностями культуры различается, в среднем оно нивелируется в процессе саморегуляции.

Так, высокая терминальная ценность культуры, неожиданно проявившаяся в связи с такими типами субкультуры, как свобода без ограничений, протест против официоза и бунтарство, в большей степени выражена именно в пространстве малого го-

рода, чем у молодежи в целом. В то же время такие установки, как эгоцентризм и эпатаж, стремление самовыразиться и быть непохожим на других, самоощущение избранности и исключительности, стремление к объединению со сверстниками и противостояние «свои — чужие», напротив, в малых городах проявляет более высокую связь с инструментальным отношением к культуре. А в среднем эти противоречия нивелируются. Это становится возможным только в процессе саморегуляции. Целенаправленное регулирование без учета столь сложных и противоречивых связей вряд ли будет эффективным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специфика культурной жизни в молодежной среде определяется базовыми основаниями культуры — теми, которые обеспечивают связь молодежи с обществом в целом и, являясь ее ядром, так или иначе воспроизводятся разными группами молодежи. А также социально-групповыми особенностями, обусловленными принадлежностью молодых людей к субкультуре. И базовая культура, и субкультура выступают как источники формирования идентичностей и определяют особенности культурной жизни. Сочетание разных культурных оснований и использование их в анализе культурной жизни молодежи позволяют выявить связь традиционных и современных смыслов с особенностями культурной жизни и культурных практик молодежи малых городов.

Значимым фактором направленности культурных предпочтений молодежи является фактор среды обитания с характерными для него устоявшимися практиками. Они отчасти определяются общими для поколения чертами, но имеют и значимые различия, обусловленные условиями жизнедеятельности молодежи российских малых городов. Отношение к культуре показывает сохраняющуюся доминанту ее терминального значения как для молодого поколения в целом, так и для жителей малых городов и одновременно с этим указывает на сужение воспроизводства самоценного отношения к ней на фоне опережающего роста инструментальных ценностей.

Отношение к культуре и средовые условия в малых городах определяют упрощенную структуру и содержание культурной деятельности и культурных практик молодежи. Доминирующими являются разные виды коммуникации, молодежи: не охваченная никакими видами культурной жизни — высокая, а включенность в них наиболее активных ориентирована преимущественно на практические навыки и умения.

Анализ социокультурной саморегуляции показал неоднозначность этого процесса. Терминальная ценность культуры связана с влиянием меньшего набора ценностей, чем инструментальная.

В то же время все типы базовой культуры, с которыми себя идентифицируют респонденты, больше связаны с терминальным значением культуры в их сознании, чем с инструментальным. При этом разрыв между терминальным и инструментальным пониманием культуры сокращается.

На рост инструментализации особенно влияет гедонистическая смысловая ориентации. Инновационная — порождает разное понимание культуры и наделение ее зачастую противоположными смыслами в зависимости от приоритета целей или средств их реализации. А адаптационная — вовсе деформирует смысловое восприятие культуры, заменяя ее сущностное понимание формальным и все больше размывая культурное пространство многих малых городов.

Влияние субкультурных смысловых оснований проявляется в восприятии культуры еще более противоречиво. Вызывая у молодежи то самоценное, то прагматичное

отношение, культура проявляет свою многофункциональность. Это свидетельствует о сложном, объемном образе культуры в сознании молодых жителей малых городов и ее многозначной роли в их жизни. Это обстоятельство должно предостеречь от продолжающегося примитивного маркирования молодежи как дистанцирующейся от культуры. Речь должна идти не столько о дистанцировании молодежи, сколько о неразвитости современного культурного пространства малых городов и, как следствие примитивизации культурной жизни и культурных практик живущей в них молодежи. Если в младших группах вовлеченность в культурную жизнь еще связана с наличием у них свободного времени и происходит в основном через процесс обучения, то в старших отчуждение молодежи от культурной жизни становится неизбежным в силу структурных причин (отсутствие инфраструктуры, денежных средств, времени). Поэтому эффективное регулирование этого процесса в рамках молодежной и культурной политики должно быть связано с осознанием многозначности и многофункциональности культуры как феномена в сознании молодых жителей малых городов и расширением возможностей участия в культурной жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Анализ основан на результатах всероссийского социологического исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН среди молодежи в возрасте 15–29 лет. Сбор эмпирических данных осуществлен методом личного интервью по месту жительства респондентов в 2017 г. по выборке, репрезентативной для населения России, в 28 населенных пунктах, 7 субъектах РФ. Всего в ходе исследования опрошено 803 человека. Для обеспечения репрезентативности опроса была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент согласно квотному заданию, частично был применен метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодежь с учетом региональных особенностей (руководители исследования — доктор социологических наук, профессор Ю. А. Зубок и доктор социологических наук, профессор В. И. Чупров). Сбор эмпирических данных проводился Институтом общественного мнения «Квалитас» (руководитель — доктор социологических наук Н. А. Романович (г. Воронеж)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые, П. (1998) Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 2. С. 44–59
- Вебер, М. (1990) Избранные произведения. М.: Прогресс. 808 с.
- Габдулова, Н. Н. (2007) Культурное пространство провинциального города // Труды Псковского политехнического института. № 11.1. С. 40–43.
- Гидденс, Э. (2003) Устройство общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект. 525 с.
- Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2020) Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма. 304 с.
- Илле, М. Е. (2016) Участие жителей «культурной столицы» в культурной жизни Петербурга // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 5(119). С. 27–32.
- Квасова, И. И. (2008) Методология социального познания. М.: Издательство РУДН. 97 с.
- Ковалева, А. И., Гневашева, В. А., Селиверстова, Н. А. (2015) Тезаурусная концепция молодежи Вал. А. Лукова [Электронный ресурс] // Социология молодежи: электронная энциклопедия. URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/173-tezaurusnaya-koncepciya.html> (дата обращения: 19.07.2020).
- Корсунова, В. И. (2019) Культурное потребление в социологических исследованиях: обзор подходов к измерению понятия // Экономическая социология. Т. 20. № 1. С. 148–173.

- Кравченко, С. А. (2013) Социологический толковый русско-английский словарь. М. : МГИМО Университет, 914 с.
- Мертон, Р. (2006) Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, Хранитель. 880 с.
- Рокич, М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. 1973. №5. С. 20–28.
- Соколов, М. М. (2019) Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России // Социология власти. № 31 (1). С. 71–91.
- Сорокин, П. А. (2000) Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : РХГИ. 1054 с.
- Ученые записки ФНИСЦ РАН (2020) / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: исследование социокультурного механизма. М. : ФНИСЦ РАН. 48 с.

Дата поступления: 20.07.2020 г.

*CULTURAL LIFE AND CULTURAL PRACTICES OF YOUNG PEOPLE IN SMALL TOWNS:
FEATURES OF SELF-REGULATION*

YU. A. ZUBOK, V. I. CHUPROV

*INSTITUTE OF SOCIO-POLITICAL RESEARCH — BRANCH OF THE FEDERAL CENTER OF THEORETICAL AND APPLIED
SOCIOLOGY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

The article examines the features of cultural activities of young people in small towns. The authors conduct a comparative analysis of cultural lifestyles and cultural practices of small town residents and youth in general.

The theoretical basis of the analysis is the authors' concept of socio-cultural self-regulation of youth life. Cultural life, which is one of the aspects of a person's social life, is considered as a special form of organization and regulation of their life activity. The specificity of cultural life and cultural practices in it is determined by the semantic perception of culture and regulated by the semantic attitudes that are formed in different types of culture (basic and youth subcultures). They are sources of identity formation and determine the orientation and specific features of the cultural life of young people. The combination of different cultural bases — basic and subcultural — and their use in the analysis of the cultural life of young people makes it possible to identify the connection between various semantic projections and the peculiarities of the cultural life and cultural practices of young people in small towns.

The empirical analysis is based on the results of a sociological study conducted in 2017 representing Russian young people aged 15 to 29. The authors demonstrate the age differences of cultural practices in the structure of leisure activities of young people in a small town, involvement in activity forms of culture, and their difference from young people in general.

A special place in the article is occupied by the section devoted to the self-regulation of the cultural life of young people in a small town. An analysis of the relationship between of young people's life-purpose values and their attitude to culture is carried out. On the ground of the previously established and tested typology of cultures, the influence of their characteristic semantic attitudes on the perception of culture is analyzed. A conclusion is made about the extremely contradictory phenomenon of culture in the minds of young residents of small towns and about the ambiguous influence of different cultural attitudes on the cultural life in a small town. The findings are substantiated about the correlation of terminal and instrumental meanings in young people's cultural life.

Keywords: youth; small towns; culture; meanings; cultural practices; self-regulation; types of culture

REFERENCES

- Burdie, P. (1998) Структура, габитус, практика. *Zhurnal sotsiologii I sotsialnoy antropologii*, vol. 1, no. 2, pp. 44–59. (In Russ.).
- Veber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya*, M., Progress. 808 p. (In Russ.).
- Gabdulova, N. N. (2007) Kul'turnoe prostranstvo provincial'nogo goroda. In: *Trudy pskovskogo politehnicheskogo instituta*, no. 11.1, pp. 40–43. (In Russ.).

Ille, M. E. (2016) Uchastie zhitelej «kul'turnoj stolicy» v kul'turnoj zhizni Peterburga. *Teleskop»: zbornik sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij*, no. 5(119), pp. 27–32. (In Russ.).

Kvasova, I. I. (2008) *Metodologija social'nogo poznaniya*. M., Izdatel'stvo RUDN. 97 p. (In Russ.).

Kovaleva, A. I., Gnevasheva, V. A., Seliverstova, N. A. Tezaurusnaja koncepcija molodezhi Val. A. Lukova. In: *Sociologijamolodezhi: Jelektronnaja jenciklopedija* [online] Available at: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/173-tezaurusnaya-koncepciya.html> (accessed: 19.07.2020) (In Russ.).

Korsunova, V. I. Kul'turnoe potreblenie v sociologicheskikh issledovanijah: obzor podhodov k izmereniju ponjatija. *Jekonomicheskaja sociologija*, vol. 20, no. 1, pp. 148–173. (In Russ.).

Kravchenko, S. A. (2013) *Sotsiologicheskij tolkovij russko-anglijskij slovar'*. M., MGIMO Universitet. 914 p. (In Russ.).

Merton, R. (2006) *Sotsial'naya tejrriya I sotsial'naya struktura*. M., AST, Khranitel', 880 p. (In Russ.).

Rokich, M. (1973) Priroda chelovecheskikh tsennostey. *Svobodnaya pressa*, no. 5, pp. 20–28. (In Russ.).

Sokolov, M. M. Pokolenija vmesto klassov? Vozrast i potrebitel'skaja revoljucija v Rossii. *Sociologija vlasti*, no. 31 (1), pp. 71–91. (In Russ.).

Sorokin, P. A. (2000) *Social'naja i kul'turnaja dinamika: issledovanie izmenenij v bol'shib sistemah iskusstva, istiny, jetiki, prava i obsbbestvennyh odnoshenij*. St.-Petersburg, RHGI. 1054 p. (In Russ.).

Uchjonye zapiski FNISC RAN (2020) / ed. by M. K. Gorshkov. Issue 7. Samoreguljacija zhiznedejatel'nosti molodezhi: issledovanie sociokul'turnogo mehanizma. M., FNISCRAN. 48 p. (In Russ.).

Submission date: 20.07.2020.

Зубок Юлия Альбертовна — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи обособленного подразделения Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН). Адрес: Россия, Москва, улица Фотиевой, 6, к. 1. Тел.: (985) 127-88-93. Электронный адрес: uzubok@mail.ru

Чупров Владимир Ильич — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи обособленного подразделения Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН). Адрес: Россия, Москва, улица Фотиевой, 6, к. 1. Тел.: (910) 482-71-61. Электронный адрес: Chuprov443@yandex.ru

Zubok Yulia Albertovna, Doctor of Sociology, Professor, Head, Center for the Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS). Postal address: 6, Bldg. 1, Fotievoi St., Moscow, Russian Federation. Tel.: (985) 127-88-93. E-mail: uzubok@mail.ru

Chuprov Vladimir Ilyich, Doctor of Sociology, Professor, Chief Research Fellow, Center for the Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS). Postal address: 6, Bldg. 1, Fotievoi St., Moscow, Russian Federation. Tel.: (910) 482-71-61. E-mail: Chuprov443@yandex.ru